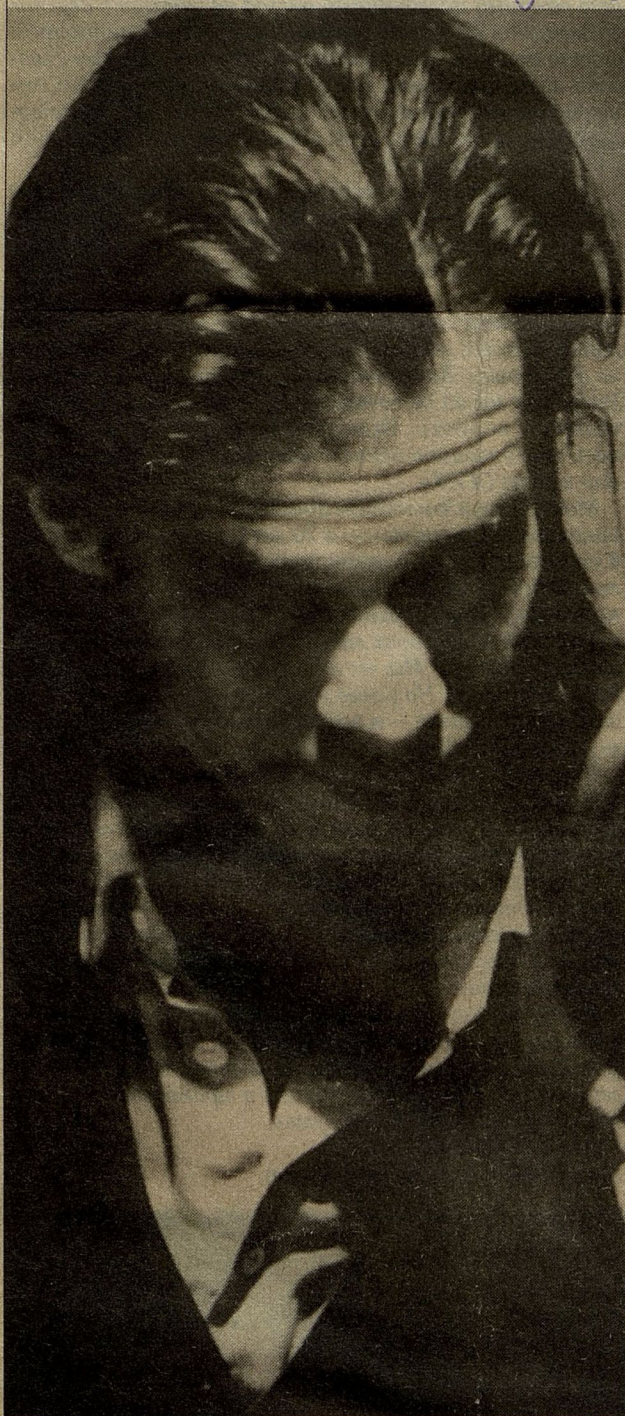

«НАС ЗАНЕСЛО В ТАКИЕ ДЕБРИ!»

Известия - 2004 - 23 сент. - с. 15

СТР. 1

— По крайней мере нет вот этого, знаете, нудящего голоса в голове, который тихонько ворчит на заднем плане: «Мог бы и лучше сыграть» или там: «Вот это полная лажа... Как ты вообще это допустил?» У меня такое часто бывает, и если этот голос появляется слишком рано — значит, на альбом действительно прокраслась какая-нибудь ерунда, которой там быть не должно.

А с этим альбомом я ничего такого не чувствую, хотя очень много раз его прослушал. Звучит он просто шикарно. Честно говоря, я даже немного удивлен тем, насколько хорошо он звучит.

— Это заслуга вашего нового саундпродюсера?

— Да, Ника Ланэя, мы с ним еще предыдущий альбом вместе делали. И, думаю, много еще чего сделаем — с ним очень комфортно работать, и вообще он очень толковый. Ник в основном работает с разными лос-анджелесскими панками и феерически наловчился записывать живые выступления и всякую такую сырую, мясистую музыку. Когда ты играешь что-нибудь, и запись звучит в точности так, как ты только что сыграл. Этого, между прочим, очень сложно достичь.

— А где шла запись?

— В Париже, в Ferber Studios. Это очень старая парижская студия, но совершенно шикарная. Я Париж плохо знаю, поэтому не могу вам точно сказать, где она находится, но, в общем, где-то там... В Париже. Фантастическое место. Просто фантастическое. Про нее Ник как-то разузнал — мол, есть такая легендарная студия с кучей старой аппаратуры. Гейнсбург там записывался, Джонни Холлидей, джазмены. Ну и вот, так у нас случился Париж, весной, совершенно волшебным образом. Чего мы, кстати, не хотели, так это записываться в Лондоне. Потому что уже сто раз там записывались.

А сводился альбом в Astoria Studios, это студия Дэвида Гилмора из Pink Floyd, которая расположена на старой барже близ Ричмонда. Тоже очень клевая. Дэвид коллекционирует древнюю аналоговую аппаратуру, чуть ли не с ножным приводом, причем в диких количествах — прибирает к рукам все, на что наткнется. И там, конечно, было с чем поиграться.

— Как вообще происходила работа над альбомом?

— Я бы сказал, что нас все время куда-то занесло. И занесло в результате в такие дебри, о которых я и подумать не мог. Начиналось просто: мы садились в студию, я вскрикивал: «Раз, два, три, четыре!» — и все разом начинали импровизировать кто во что горазд. Минуты через три-четыре этот хаос сростался во что-то определенное, из него вылуплялась мелодия, а в конце концов и песня. Вот, например, «Nature Boy», которая будет первым синглом с альбома, — это ведь настоящий попс, очень заразительный, прилипчивый попс. Мы рванули с места в карьер и вырулили куда-то в сторону творчества Cockney Rebel: «Nature Boy», по-моему, похож на их «Come up and see me», песню, которую мы

все обожаем. Понимаешь, в музыке есть множество территорий, которые давно и плотно разработаны другими музыкантами и на которые Bad Seeds никогда не совались, но здесь мы просто... Просто понесли галопом и играли все подряд — от прогрессив-рока до, не знаю, хэви-метал. И никого это не смущало, потому что все было как будто понарошку и вместе с тем очень зажигательно. Хотя, надо признаться, многие из тех песен, которые в результате получились, я бы, наверное, выбросил в мусорную корзину на самой ранней стадии. То есть если бы я, как обычно, сидел в своем офисе за фортепиано и сочинял, то они бы дальше этого самого фортепиано не продвинулись. Но то, что в результате получилось, мне нравится. И «Nature Boy», и все остальное.

— В «Abbatoir Blues» куда сильнее, чем раньше, чувствуется влияние gospels и вообще протестантской песенной традиции.

— Это тоже выплыло из наших спонтанных импровизаций. Я в какой-то момент завопил «Get Ready For Love!» — все схватились за инструменты, и джем оформился в госпелоподобную, наэлектрифицированную форму... старомодной церковной проповеди, что ли. Потом уже мы подтянули лондонский хор, который исполняет gospels, и тему эту достойным образом развили.

— Сейчас, когда из группы ушел Бликса Баргельд, ваш давний друг и соратник, многое ли изменилось?

— Все стало совсем по-другому. С этим альбомом... альбомами... в общем, с этой нашей новой работой... Это двойной альбом, короче. Даже так: это набор из двух дисков. Ладно, неважно, как его называть, вопрос все равно в другом. Я хотел сказать, что в этот раз группа была гораздо сильнее вовлечена в процесс записи, нежели раньше. Бликса, которого я нежно люблю и который был для Bad Seeds дико важен и абсолютно незаменим, нас покинул, и мы остались в ситуации «пан или пропал». Либо, мы берем себя в руки и что-нибудь придумываем либо просто объявляем траур лет этак на десять и идем околачивать груши. В результате появились новые возможности, которых раньше не было. После ухода Бликсы осталось как бы пустое место, его надо было чем-то заполнить. Так что Мик Харви наконец-то смог вдоволь поиграть на гитаре, а Уоррен Эллис — поэкспериментировать с разными инструментами. Он, скажем, купил ирландскую бузуки и подключил ее к усилителю. Получился очень страшный звук, как будто рядом товарный вагон проезжает. Такое мало кого оставит равнодушным.

23.09.04

Кейв Ник
(музыкант)